

Новые находки в Кольском некрополе

История Колы насчитывает более четырех столетий. На Севере Европы этот город получил известность как база рыбопромышленников, торг, административный центр, военная крепость и оплот православия. До начала XX в. Кола была, пожалуй, самым крупным в приарктической полосе населенным пунктом, а также наиболее значительной в Поморье контактной зоной мигрирующих рыбопромышленников. Сюда приезжали разные путешественники и ученые (М.В. Ломоносов, философ Н.Я. Данилевский, поэт К.К. Случевский, адмирал С.О. Макаров и др.). В годы Крымской войны Кола, став объектом нападения английского корабля «Миранда», была почти полностью сожжена. Отчасти поэтому, несмотря на богатую историю, в самом городе до наших дней дошло немного памятников старины. Один из них – Кольский некрополь. Это старинное кладбище на Каменном острове, где сохранились памятники надгробной архитектуры XIX – начала XX вв. С 1994 г. на кладбище ведутся полевые исследования, позволившие выявить и описать целый ряд надмогильных сооружений колян¹. Надгробия дают богатую пищу для реконструкции духовного мира жителей Колы, становятся основой для проведения биографических и генеалогических исследований. Работы по изучению Кольского некрополя всячески поддерживал профессор И.Ф. Ушаков.

Полевые исследования в Кольском некрополе осложняются тем, что его территория по-прежнему используется для захоронений. Старинные надгробия были потеснены современными. Многие памятники безвозвратно утрачены, но некоторые еще сохраняются под слоем травы и земли. На 2008 г. в Кольском некрополе было учтено 22 каменных надгробия, относящиеся к XIX – началу XX вв. Среди них 18 памятников сохранились полностью и 4 – в виде фрагментов.

В мае-июне 2009 г. во время полевых исследований на Кольском городском кладбище были сделаны новые находки: обнаружены фрагмент надгробия Измайловой и целостное надгробие на могиле В.А. Чертова (умер в 1922 г.).

Недалеко от надгробия мешанской вдовы Параскевы Покидиной (1830 г.) в ограде современного захоронения был найден фрагмент надгробия Измайловой, которое имело форму распространенной в Кольском некрополе наземной плиты, выполненной из природного камня. Размер фрагмента по средним линиям – 30×35 см. Рисунок и орнаментов на фрагменте нет. Шрифт гражданский с размерами букв от 25 до 40 мм.

¹ Федоров П.В., Сеницкий А.Н. Мурманский некрополь. – Мурманск, 2008. – С. 15–70.

Фото 1. Фрагмент надгробной наземной плиты Ф.А. Измайловой на кладбище
г. Колы

Фото 2. Надгробная наземная плита В.А. Чертову на кладбище г. Колы

Сохранившийся на фрагменте текст:

...ізмайлової//...9 Маія//...нчалась 17//...года житія//...9 летъ

Анализ метрических книг Кольского собора позволил идентифицировать личность усопшей – Федосья Измайлова, принадлежавшая крестьянскому сословию, скончавшаяся, согласно записи священника, 16 апреля 1876 г. в возрасте 60 лет¹. На плите, очевидно, значилась другая дата – 17 апреля. Не соответствует и возраст: скорее всего, на плите было отмечено «59 лет». Но подобные расхождения между метрическими записями и надгробными текстами в Коле уже замечались на примере других памятников².

Поскольку в Государственном архиве Мурманской области кольских метрических книг до 1834 г. не сохранилось, сведений о рождении Ф. Измайловой не найдено. Однако факт обнаружения фрагмента надгробия Ф. Измайловой рядом с надгробием Параскевы Покидиной заставил проверить гипотезу о родственной связи усопших и прийти к выводу, что Ф. Измайлова – дочь Параскевы Покидиной.

Параскева Покидина – вдова солдатского сына, записавшегося в мещанство Колы, Александра Покидина³. В Государственном архиве Мурманской области имеются сведения о браке в 1836 г. крестьянина Мотовского погоста Романа Ивановича Измайлова и дочери умершего мещанина Александра Покидина – Федосьи⁴. Согласно духовным росписям Кольского собора за 1841–1850 гг., Федосья Александровна Измайлова имела пять детей, четверо из которых умерли в детском возрасте⁵.

Надгробие В. Чертова найдено рядом с обнаруженным ранее надгробием его дочери Зинаиды (1900–1916), что подтверждает гипотезу П.В. Федорова и А.Н. Сеницкого, сформулированную еще в 2001 г.⁶ Надгробие в виде трапециевидной наземной плиты, размер по средним линиям 176×73 см.

Текст на плите рукописный, небрежный. Размер шрифта от 60 до 210 мм. Орнаментов и украшений нет. В нижней части плиты, под текстом, изображен шестиконечный крест.

¹ Государственный архив Мурманской области (далее – ГАМО). – Ф. И-16. – Оп. 1. – Д. 98а. – Л. 210 об. – 211.

² Федоров П.В., Сеницкий А.Н. Мурманский некрополь. – С. 34–35.

³ На надгробной плите П. Покидиной значится, что она была «мещанской вдовой», «скончавшейся 1830 года ноября 10-го дня от 58 лет от рождения» (Федоров П.В., Сеницкий А.Н. Мурманский некрополь. – С. 22). Кто же был ее мужем? В городе в конце XVIII в. фамилию «Покидин» носили только братья Иван и Александр (Государственный архив Архангельской области. – Ф. 51. – Оп. 11. – Т. 25. – Д. 3. – Л. 16). Согласно кольской метрической книге за 1834 г., в Коле умерла Елена Алексеевна Покидина, жена Ивана Покидина (ГАМО. – Ф. И-16. – Оп. 1. – Д. 19а. – Л. 210). Следовательно, Параскева Покидина была женой Александра.

⁴ ГАМО. – Ф. И-16. – Оп. 1. – Д. 19а. – Л. 127.

⁵ Там же. – Д. 26.

⁶ Федоров П.В., Сеницкий А.Н. Кольский некрополь: опыт исторической реконструкции (XIX – начало XX вв.). – Мурманск, 2001. – С. 71.

Надпись на плите:

Чертов // В. А. // Род. 1767 год // Ск. 1922 г...

На надгробии ошибочно указан год рождения усопшего. Согласно указанному возрасту в записи о бракосочетании в метрической книге, В. Чертов родился в 1870 или 1871 гг.¹, тогда как на надгробии значится «1767 год». Лаконичный текст на надгробии В. Чертова, в целом, подтверждает сделанный ранее вывод, что надгробная надпись «постепенно утрачивала религиозный характер, становясь более личной, персонифицированной, что было следствием обмирщения культуры»². Обращает на себя внимание и нетипичное расположение креста на надгробной плите: не в верхней ее части, над текстом, как обычно, а в нижней³.

Василий Андреевич Чертов – выходец из г. Архангельска, один из наиболее известных и влиятельных колян начала XX в. Занимал в Коле ряд должностей: уполномоченный городского общественного управления, председатель сиротского суда, уполномоченный по сбору пожертвований в пользу воинов, пострадавших во время русско-японской войны, член общества спасения на водах, церковный староста. Был женат на дочери кольского городского головы Григория Петровича Харчева. Занимался торговлей, имел в Коле лавки, годовой оборот достигал 75 тысяч рублей⁴. Согласно воспоминаниям мичмана А. Гефтера, посетившего Колу в 1918 г., «по части старинного уюта и гостеприимства Ч[ертов] не мог быть превзойденным». Внешний облик Василия Чертова А. Гефтер сравнивал с «патриархом, воскресшим из Иоанновых времен». Он «говорил... мало, но умно, и хитро слушал» и «чрезвычайно дипломатически уклонялся от вопросов». В 1918 г. В. Чертову довелось встретиться с послом Франции в России Ж. Нулансом, когда тот после разрыва дипломатических отношений находился на Севере. А. Гефтер утверждает, что Ж. Нуланс подарил В. Чертову свою фотографию с собственноручной надписью, «где французский государственный ум воздавал должное мудрецу из Колы»⁵. После революции В. Чертов лишился большей части имущества, избирательных прав. Умер в 1922 г.

¹ ГАМО. – Ф. И-136. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 83 об.

² Федоров П.В., Синицкий А.Н. Мурманский некрополь. – С. 32.

³ Изображение креста в верхней части плиты (над текстом) в XIX в. имело свое функциональное значение. Особенно хорошо это заметно на безымянной плите 1821 г.: расположенный в верхней ее части крест как символ бессмертия противопоставлен расположенным в нижней части символам бренности всего материального: песочным часам, урне и черепу с двумя скрещенными костями.

⁴ Адрес-календарь Архангельской губернии на 1903 год. – Архангельск, 1903. – С. 23; Игнатьева Т.П. В поисках родства // Кольский родословец. – Мурманск, 2000. – Вып. 1. – С. 23; Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время. Историко-краеведческий словарь. – Мурманск, 2001. – С. 124.

⁵ Гефтер А.А. Северные воспоминания // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. – Мурманск, 2006. – С. 198–199.

Несмотря на то что В. Чертов дожил до советского времени, форма его надгробия продолжает традицию Кольского досоветского некрополя, в котором 16 из 23 сохранившихся каменных надгробий представляют собой наземные плиты, призванные символизировать крышку гроба и напоминать о грядущем Страшном суде. Вместе с тем в надгробии В. Чертова заметен уже и отход от традиций. Плита на могиле В.А. Чертова, в отличие от других сохранившихся в Кольском некрополе надгробий досоветского периода, сделана весьма грубо: не из цельного камня, как обычно, а из нескольких необработанных камней разного размера, выложенных на участке захоронения и залитых цементом. Пока цемент высыхал, была нанесена надпись на поверхности памятника. Наносивший надпись рабочий торопился, в результате чего, видимо, и сделал ошибку в годе рождения усопшего. Создается впечатление, что надгробие В. Чертова выполнено в духе подражания старым памятникам, но уже не умелой рукой мастера, а подмастерья. Данное обстоятельство не кажется случайным. В советское время каноны надгробной архитектуры менялись. Традиция установки наземных плит на Кольском кладбище вскоре была вытеснена обычаем возведения стел и обелисков.

Вместе с тем обнаруженные надгробные памятники подтверждают существование практики семейных захоронений в Кольском некрополе: Ф. Измайлова похоронена рядом с матерью, а В. Чертов – с дочерью.